

© 1997 г. М.В. ФИЛИПЕНКО

ОБ ИЕРАРХИИ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ВЫСКАЗЫВАНИИ

(к анализу адвербиалов – определителей "процесса")

Известно, что существующие модели языка являются так сказать "глаголоцентричными" – в том смысле, что "ответственным" за организацию предикации обычно считается некоторый "центральный", "вершинный" предикат (чаще всего глагол). В основании "глаголоцентричной" идеологии предложения лежит следующее положение вещей.

Обычно мы имеем дело с предложениями, где ситуация, описываемая высказыванием, является конкретным воплощением ситуации, описываемой глаголом. Например, в предложении

(1) *Он взял салфетку со стола*

глагол *взять* сам по себе описывает ситуацию каузации перемещения объекта, и предложение (1) тоже описывает ситуацию каузации перемещения объекта, описывает конкретную ситуацию каузации перемещения. Итак, глагол сам по себе описывает класс ситуаций, к которому относится и ситуация, описываемая высказыванием. Поэтому информацию об основных участниках ситуации, описываемой высказыванием, обычно фиксируют в глаголе, и глагол оказывается "центральным" элементом предикации, оказывается "ответственным" за организацию предикации в целом.

Однако в недавнее время внимание некоторых исследователей привлекли предложения, адекватный анализ которых едва ли возможен в рамках "глаголоцентричных" моделей языка. Так, в книге [Goldberg 1995] рассматриваются примеры типа следующих:

(1') *He sneezed the napkin off the table* (= Он счихнул салфетку со стола) и

(2) *Sam joked his way into the meeting* (= Сэм вышутил себе дорогу / шутил свой путь на собрание).

Проблема состоит в том, что в случае "глаголоцентричной" модели предложения для анализа подобных примеров достаточно признать у английских глаголов *to sneeze* "чихнуть" и *to joke* "шутить" возможность переходного употребления, т.е. допустить у этих глаголов нормально не присущее им значение транзитивности. Однако словарь, где будут фиксированы подобные значения, вряд ли кто-либо сочтет разумным.

С аналогичными трудностями исследователь сталкивается и при анализе русского материала, ср. следующий пример:

(3) {...возница дилижанса, должно быть, ... посылал за кнутом парня в долгополой ливрее, сидевшего рядом на козлах и пронзительно трубившего в рожок,} пока, гремя по булыжникам, дилижанс ухал через деревню (Набоков. "Путеводитель по Берлину"),

где процесс движения, выражаемый предложением в целом, нормально не описывается при помощи глагола звучания *ухать*. Правда, в русском языке – языке с богатым приставочным словообразованием – в подобных случаях идея движения может под-

держиваться и в самой глагольной форме: исходный глагол тогда присоединяет приставку с соответствующим значением, ср. допустимую замену формы *ухал* на *проухал* в предложении (3), а также пример из работы [Кронгауз 1994]:

(4) *Мимо проблагоухала прекрасная дама,*

где глагол *благоухать*, нормально не обозначающий перемещения, приобретает приставку *про-*, поддерживающую идею движения в этом предложении (ср. также *Мимо провонял грузовик*, где в сравнении с примером (4) на идею движения "работает" также семантическая характеристика субъекта предложения – 'транспортное средство').

К каким теоретическим выводам приходят авторы указанных работ?

Выход из "глаголоцентричности" А. Голдберг видит в построении так называемой "грамматики конструкций". Конструкция представляет собой семантический шаблон ситуации $P(x)$ (ситуации 'превращения', 'каузации движения' и др.) и сопоставленный ему способ синтаксического оформления элементов шаблона в предложении. При этом конструкция ориентирована не на конкретный глагол, а на тип предикатов, т.к. синтаксический уровень представления конструкции содержит предикатную переменную V .

Так в предложении (1') конструкция вида $X + V + Y \text{ off } Z$ навязывает осмысление ситуации, описываемой соответствующим высказыванием, как ситуации каузации перемещения Y -а. При этом конкретный глагол, участвующий в конструкции, может сам по себе описывать ситуацию каузации перемещения (ср. глагол *to take* в английском эквиваленте примера (1): *He took the napkin off the table*) или не описывать такую ситуацию (*to sneeze*). Опять же, в примере (2) осмысление ситуации как ситуации прохождения некоторого пути (и, быть может, одновременного создания этого пути) также целиком и полностью выражается (и задается) *way*-конструкцией, и может быть как поддержано семантикой глагола (ср. допустимые в данном примере глаголы *to go* "идти", *to run* "бежать" и под.), так и не поддержано ею (*to joke*).

Чрезвычайно близкий, на наш взгляд, подход развивается также и в работе М.А. Кронгауза, посвященной семантике русских глагольных приставок. Так, под конкретным значением приставки в указанной статье понимается структура толкования, представляющая собой именно семантический шаблон $P(x)$ класса ситуаций, описываемых словоупотреблениями разных глаголов, ср. пример структуры толкования для глагольных употреблений *пробурить скважину в земле* и *прорубить окно в стене*: 'действием V сделать отверстие Y в поверхности Z ' (с. 40), – то есть структура толкования обязательно содержит глагольную переменную V . При этом в некоторых случаях при понимании текста глагольной основе приписываются задаваемые шаблоном семантические признаки (ср. [Кронгауз 1994: 42]). Приписывание, очевидным образом, имеет место тогда, когда вне данного шаблона глагольной основе не могут быть приданы некоторые семантические признаки. Так, идея движения нормально отсутствует у глагола *благоухать*, но в контексте *Мимо (про-)V прекрасная дама* глагольную основу *благоухать* можно рассматривать так, как будто бы ей приписывается семантический признак "движение".

Итак, концепции А. Голдберга и М.А. Кронгауза чрезвычайно близки – 1) оба исследователя вводят понятие семантического шаблона ситуации, реализующегося в классе конкретных предложений с глаголами соответствующего семантического типа; 2) в обоих случаях внимание исследователей останавливается на предложениях с глаголом, семантический тип которого сам по себе не совпадает с семантическим типом ситуации, описываемой предложением в целом (в работе М.А. Кронгауза в подобных случаях предусматривается семантическая операция над семантикой глагола, а именно операция приписывания необходимых семантических признаков глагольной основе).

Близость обеих концепций, на наш взгляд, не случайна. Дело в том, что оба эти исследователя анализируют языковой материал, так или иначе выражающий идею "процесса" (в широком смысле), т.е. описывающий ситуацию, которая мыслится как

содержащая (противопоставленные друг другу) фазы. Иными словами, конструкции А. Голдберг или структуры толкования М.А. Кронгауза описывают ситуацию $P(x)$ с аспектуальной характеристикой "процесс (в широком смысле)". При этом, как мы видели, возможны два случая: 1) когда ситуация $P(x)$, описываемая предложением, и ситуация $V(x)$, описываемая глаголом, совпадают ($P(x) = V(x)$), ср. пример (1), и тогда, естественно, аспектуальная характеристика ситуации $V(x)$ совпадает с аспектуальной характеристикой ситуации $P(x)$; 2) когда ситуация $P(x)$, описываемая предложением, не совпадает с ситуацией $V(x)$, описываемой глаголом ($P(x) \neq V(x)$), ср. примеры (1')–(4), и тогда аспектуальная характеристика ситуации $P(x)$, описываемой глагольным контекстом, отличается от аспектуальной характеристики ситуации $V(x)$.

О чем пойдет речь в данной статье? На первый взгляд, примеры (1')–(4) кажутся достаточно изысканными и в некотором смысле периферийными для языка. В данной работе, однако, мы попытаемся показать, что иллюстрируемая данными примерами проблема – проблема рассогласования аспектуальных характеристик глагола и его контекста – касается гораздо большего круга предложений, носит, по всей видимости, более общий характер (и так или иначе ставилась в лингвистической литературе); мы попытаемся показать, что данная проблема может возникать, когда (глагольный) контекст передает идею "процесса" (что имеет онтологически обусловленное обоснование – впрочем, довольно тривиальное). Ниже в качестве примеров такого контекста рассматриваются адвербиалы *быстро*, *круто*, *прямо* и некоторые другие. Анализ семантического поведения подобных адвербиалов, на наш взгляд, заставляет говорить не столько о приписывании глаголу семантических признаков в контексте лексических единиц (конструкций и проч.), передающих идею "процесса", сколько о некоторой иерархии аспектуальных характеристик, возникающей в подобных случаях, – иерархии, обусловленной "неоднородностью" тех ситуаций, которые описываются в высказывании. Много внимания будет уделено также самому понятию "процесс".

З а м е ч а н и е. Необходимо оговориться, что выражение "аспектуальная характеристика" используется в данной работе в духе типологической трактовки категории вида. Этой трактовке свойственна "универсализация" видовых противопоставлений: аспектуальные смыслы, формально различающиеся хотя бы в одном языке, признаются различными и в любом другом языке, даже если в этом языке нет формальных средств для последовательного проведения этого различия (тем самым категория вида в конкретном языке не связывается жестко с видовыми граммемами). Подробнее о типологической трактовке вида см. во многом обзорную работу [Плунгян 1995].

Предложения с адвербиалами, описывающими характеристику "процесса", давно останавливали на себе внимание исследователей. Так, в работе [Апресян 1980] предложение

(5) *Товарищи постепенно уезжали один за другим*
анализируется следующим образом: "Очевидно, что предикат *постепенно* должен иметь в качестве своего аргумента название разворачивающегося во времени процесса..., а не название одноактного действия", следовательно, семантически он связан со всей глагольной группой *товарищи уезжали один за другим*, а не только с глаголом; "фразы типа *?Иван постепенно уезжал* воспринимаются по крайней мере как семантически странные". Заметим также, что *постепенно* определяет не всякий процесс, а лишь такой, который мыслится как предельный, ср. *?Костер постепенно горел*, но *Костер постепенно догорел*, подробнее см. [Филипенко 1994].

Как мы видим, для глагола *уезжать* встает тот же вопрос, что и для глаголов *to sneeze* "чихнуть", *благоухать* и др., см. примеры (1')–(4): *to sneeze* нормально не обозначает каузации перемещения, однако в примере (1') описана такая ситуация; *благоухать* нормально не обозначает движения, но в предложении (4) описывается ситуация движения; точно так же, *уезжать* сам по себе не обозначает (предельный) "процесс" (ср. *?Иван постепенно уезжал*), в предложении же (5) описан "процесс".

Понятно, что аналогичный вопрос возникает и для множества других глаголов: так, плохо сказать *Он постепенно купил марку*, но глагол *купить* с трудом осмысливается как предельный "процесс", но абсолютно нормальное предложение с этим глаголом *Он постепенно купил все марки этой серии* описывает "процесс"; практически аномально предложение *Постепенно пришел Иван*, т.е. глагол *прийти* не осмысливается как предельный "процесс", однако совершенно корректна фраза *Постепенно пришли все приглашенные*, описывающая "процесс", и т.д. В духе книги [Goldberg 1995] данный вопрос можно сформулировать следующим образом: следует ли постулировать у глаголов типа *уезжать*, *приходить* "процессное" значение, исходя из того, что некоторые употребления этих глаголов встречаются в контексте наречия *постепенно*?

Обычно явным или неявным образом этот вопрос получает, аналогично решению А. Голдберга, отрицательный ответ. Средствами выражения "процессного" значения в подобных случаях считается не глагол, а "глагольная группа" [Апресян 1980], точнее – те элементы глагольного окружения, которые передают идею множественности ситуации, ср. множественность субъекта/объекта в приводимых выше допустимых примерах с наречием *постепенно*. Однако множественность актанта сама по себе не обязательно гарантирует "процессное" осмысление предложения (подробнее см. [Храковский 1989: 17–18], ср. также [Падучева 1996, гл. I.12]). Так, предложение *Я купил марки этой серии*, в отличие от предложения *Я постепенно купил марки этой серии*, может описывать и единичную, не множественную ситуацию. Таким образом, именно адвербиал задает "процессный" аспектуальный тип ситуации $P(x)$, которую он характеризует. (Ср. также выражения *в несколько этапов*, *мало-помалу*, *понемногу* (*преодолеть свой страх*), *полегоньку* и т.п.)

Итак, во многих случаях не один глагол, а именно глагольный контекст (будь то аспектуально релевантный адвербиал или реализация целой "аспектуальной" конструкции) – а иногда и только контекст – выражает "процессный" аспектуальный тип ситуации $P(x)$, описываемой предложением. Соотношение между "аспектуальным" контекстом и глаголом при этом во многом аналогично соотношению между глаголом и его актантами (ср. понятие "сферы действия" в [Богуславский 1985]); подобно тому, как глагол имеет определенные семантические ограничения на заполнение своих валентностей, "аспектуальный" контекст предполагает определенные аспектуальные характеристики ситуации $P(x)$, и в данном контексте может выступать только такой глагол $V(x)$, чьи семантические свойства совместимы с этими аспектуальными характеристиками и со значением данного контекста¹. Как мы неоднократно подчеркивали выше, ситуация $V(x)$, описываемая глаголом, не всегда совпадает с семантическим типом (= шаблоном) ситуации $P(x)$, задаваемым аспектуально релевантным глагольным контекстом, а определенным образом должна "встраиваться" в него. Такое разнесение значения контекста и глагола позволяет объяснить языковое поведение многих адвербиалов, характеризующих "процесс" (в широком смысле).

¹ Например, в аспектуально значимых глагольных контекстах, представленных примерами (1')–(4), заведомо может выступать лишь такой глагол иного, чем у контекста аспектуального типа, который принадлежит к более "элементарному" по структуре семантическому типу, в сравнении с семантическим типом контекста: глагол описывает ситуацию, которая может быть осмыслена как элемент ситуации, описываемой контекстом. Иными словами, в данном случае речь идет о семантически одноместных глаголах, чей субъект однороден с субъектом ситуации, задаваемой контекстом, ср. в связи с этим анализ глаголов звучания в контексте *Дилижанс V через деревню* в [Рахилина 1997]. Например, заведомо невозможно предложение **Он встал салфетку со стола* – ведь глагол *встать* семантически неодноместен (объектом данного действия является сам субъект, ср. также глагол *подняться*). Ситуация, описываемая им, не может быть осмыслена как элемент ситуации, задаваемой глагольным контекстом, она не "вкладывается" целиком в ситуацию, задаваемую контекстом. При этом каждый контекст выбирает свой тип одноместных глаголов, ср. невозможность замены "чихнуть" на "уснуть", "сидеть" в примере (1'), поскольку "чихнуть" предполагает какое-то физическое воздействие на окружающий мир, а "уснуть", "сидеть" не предполагают такого воздействия.

Рассмотрим, например, наречие *быстро*. Хорошо известно, что оно может обозначать как скорость процесса, так и временной промежуток между некоторой точкой отсчета и ситуацией $V(x)$, ср. предложение

(6) *Быстро подошел Иван,*

которое имеет два осмысления:

(6а) 'Иван подошел со скоростью, превышающей норму' и

(6б) 'Ситуация "подошел Иван" произошла через небольшой временной период после некоторой точки отсчета'

(см., например, [Dik 1972]; см. также [Stern 1931], где разбирается неоднозначность предложений типа *Ну-ка, марш отсюда, быстро – быстро* в них может значить как 'с большой скоростью', так и 'немедленно' (см. об этом [Апресян 1974: 179–180])).

Очевидно, возможны два способа описания подобных фактов. При первом способе, ориентированном прежде всего на аспектальный тип ситуации, описываемой глаголом, у наречия *быстро* усматриваются два указанных выше значения. Однако возможно и другое решение: у наречия *быстро* фиксируется только одно значение, при котором сферой действия наречия всегда является "процесс" $P(x)$, а неоднозначность примеров типа (6) объясняется тем, что ситуация $V(x)$ может по-разному "встраиваться" в сферу действия наречия. Во-первых, $V(x)$ сама может осмысляться как "процесс", и в этом случае она сама составляет сферу действия наречия, т.е. $P(x) = V(x)$, см. (6а). Во-вторых, если ситуация $V(x)$ осмыслается не как "процесс", а как целостная, неделимая на фазы ситуация, то она составляет лишь часть сферы действия наречия, описывает лишь конечную фазу "процесса" $P(x)$, т.е. $P(x) \supset V(x)$, другие же фазы "процесса" обычно описываются в предтексте.

Подобное описание значения *быстро* позволяет объяснить, почему, скажем, предложения типа *Иван быстро чихнул* обязательно описывает управляемую, намеренную ситуацию: благодаря контексту *быстро* ситуация "чихнуть" осмыслается как элемент некоторой последовательности ситуаций, как элемент "процесса", для 'чихнуть' же – вообще говоря, нормально случайной ситуации – это возможно только в случае управляемости (ср. предложение *Внезапно потемнело и быстро начался дождь*, где *быстро* определяет неуправляемую ситуацию 'начался дождь', но которая в нашем сознании и так является естественным элементом некоторого процесса – процесса определенных изменений погоды).

Наречие *быстро* обозначает интенсивность "процесса". Аналогичную характеристику передает также наречие *круто*: данное наречие несет в себе идею реализации "процесса" за количество единиц измерения, меньшее нормы. Так, предложение

(7) *Полковник... на всем марш-марше круто останавливает лошадь* (Л. Толстой),

в частности, значит, что для остановки лошади используется расстояние, меньшее нормы, а предложение

(8) *Дорога круто повернула*

означает, что градус поворота соответствовал площади меньше нормативной. Ср. также

(9) *Тропинка круто спускалась вниз,*

где *круто* сообщает, что градус спуска соответствовал расстоянию, не достигающему нормы².

При обсуждении последних двух примеров необходимо остановиться более подробно на понятии "процесс". До сих пор мы старались использовать этот термин более или менее традиционно, понимая под "процессом" "динамическую ситуацию вообще" [Кустова 1994], или последовательность разнородных по качеству сменяющих друг друга фаз динамической ситуации (ср. также Замечание ниже). Легко видеть, что

² Ср. также другие наречия, связанные с идеей интенсивности "процесса". – *резко, интенсивно, энергично, усиленно, торопливо, полого, медленно, тягуче* и т.п.

ситуации $V(x) =$ «повернуть/спуститься [о дороге]» сами по себе не могут рассматриваться как "процессы", так как в реальности они являются статическими положениями дел: контур дороги в этих ситуациях не претерпевает никаких изменений, никак не может быть соотнесен сам по себе с традиционной идеей "процесса" (ср. обсуждение подобных примеров в [Апресян 1980; Падучева 1989; Langacker 1987: 257] [Розина 1996]). И тем не менее выше утверждается, что *круто* несет в себе идею интенсивности "процесса". О каком "процессе" идет речь?

Во многих лингвистических работах, где обсуждается семантика глаголуопотреблений, описывающих "процесс", затрагивается вопрос семантического сходства разных типов "процесса". Так, А. Голдберг усматривает семантическую близость между результативной ситуацией и ситуацией движения: перемена состояния, описываемая результативной ситуацией, рассматривается как метафора перемены местоположения [Goldberg 1995]. Впрочем, семантическая общность идей движения и перемены состояния (англ. *change*) отмечалась еще Лейбницем, который также считал более первичной идею движения (ведь всякое движение подразумевает изменение, обратное же неверно), см. [Wierzbicka 1980: 5]. В книге [Langacker 1987: 166–173] обсуждаются английские примеры типа

It takes only five seconds to go through (to recite) the alphabet, букв. "Пройти сквозь (проговорить) алфавит занимает пять секунд",

I went through (read) the book in three hours, букв. "Я прошел через (прочел) эту книгу за три часа",

He can go quickly from one mood to another (quickly change moods) "Он мог быстро переходить от одного настроения к другому (быстро менять свои настроения)".

This milk is about to go (to become) sour, букв. "Это молоко готово перейти в кислое (стать кислым)".

Р. Лангаккер трактует ситуации, описываемые в этих примерах, как ситуации "абстрактного движения" и пишет об их семантическом сходстве с ситуациями обычного движения – движения физического объекта в пространстве (ср. *A train went through the tunnel* "Через туннель прошел поезд").

Уже из приведенных выдержек видно, что идея "процесса", по всей вероятности, имеет разные уровни абстракции. Из известных нам работ данный тезис в наиболее общем и лингвистически содержательном виде сформулирован – хотя и косвенным образом – в статье [Кронгауз 1994]. Один из тезисов этой статьи состоит в том, что конкретные значения приставки могут объединяться на другом уровне в более абстрактные значения. Например, идея заполнения отрезка пространства направленным движением у приставки *про-* (ср. глаголуопотребления *пройти/пробежать/провести один километр*) и идея заполнения отрезка времени определенной деятельностью, процессом или состоянием у той же приставки (ср. *проходить/проездить/проспать/проработать один час*) явно имеют общую часть значения, которую легче всего выразить рисунком – вектором, соединяющим концы пространственного или временного отрезка (см. [Кронгауз 1994: 44–47]).

Иными словами, можно выделить класс ситуаций, описывающих процесс направленного движения, и класс ситуаций заполнения временного отрезка, не каждая из которых традиционно трактуется как процесс (ср. *проспать два часа*), и представить их инвариант как вектор. Очевидно, что образом "процесса" является такой вектор, который делится на части (пункты, шаги, кванты, элементы, периоды, этапы, фазы, точки, отрезки и т.п.), т.е. в котором выражена идея принципиальной членимости "процесса" на (противопоставленные друг другу) элементы.

Если же говорить о выражении идеи "процесса" не с помощью рисунка, а с помощью некоторого семантического признака, то с "процессом" мы имеем дело во всякой ситуации, в которой усматривается упорядоченное множество элементов. Эта наиболее абстрактная идея "процесса"

может иметь различные более конкретные воплощения.

Например, если говорить о процессе движения, то линия вектора оказывается соотносительной с траекторией пути, которая естественно делится на этапы благодаря постепенности продвижения по этой траектории: членимость задается тем, что субъект находится в разных пунктах траектории в разное время (и не может находиться в них одновременно); направленность линии времени (и движения) задают естественный порядок пунктов движения, ср. [Langacker 1987]. Если говорить о деятельности (период развертывания которой соотносится с линией времени), то она естественно делится на этапы, когда она направлена на элементарный (= разложимый на части) объект, ср. *учить стихотворение, сажать деревья* и под. Опять же, в процессах увядания, старения и под. линию вектора можно соотносить с линией времени, которая естественно делится на пункты, причем с каждым пунктом соотносится определенная степень увядания/старения субъекта ситуации.

З а м е ч а н и е. То, что абстрактная идея "процесса" имеет множество более конкретных воплощений, отразилось и на самом использовании термина "процесс" в лингвистической литературе. Разные исследователи связывают с "процессом" зачастую разный круг явлений – но обязательно несущий в себе идею упорядоченного множества элементов.

Так, в работах Ю.Д. Апресяна под "процессом", очевидно, понимается динамическая ситуация вообще (ср. [Апресян 1980; 1986] и др.). Т.В. Булыгина называет "процессами" не всякие динамические явления, а динамические явления, не являющиеся событиями, – такие динамические явления названы ею "деятельностями", типа *гореть, гулять, сплетничать, светать, писать (письмо)* и проч. [Булыгина 1982] (сходным образом, по всей видимости, использует слово "процесс" и З. Вендлер [Vendler 1967]). В трудах Ю.С. Маслова класс "процессов" оказывается более узким – в него попадают лишь неконтролируемые динамические ситуации типа *кипеть, растаять* (см., например, [Маслов 1990], см. также [Куцова 1994]). Е.В. Падучева выделяет разные виды "процессов" – предельные и непредельные, инактивные (неконтролируемые) и контролируемые [Падучева 1996]. Р. Лангаккер предлагает усматривать "процесс" в любой сущности, описываемой глаголом ["процессы" он противопоставляет "вещам" (англ. *thing*) – "вещи" обозначаются существительными] [Langacker 1987].

Неоднозначность термина "процесс" в лингвистической литературе, на наш взгляд, вызвана тем, что разные исследователи закрепляют за понятием "процесс" разные уровни конкретизации абстрактной идеи упорядоченного множества элементов.

Легко видеть, что с идеей упорядоченного множества элементов (= с абстрактной идеей "процесса") соотносятся не только глаголы, обозначающие динамическую ситуацию, но и любые лексемы, обозначающие ту или иную степень признака: ведь шкала степени проявления признака (как, кстати, и шкала оценки) прекрасно "вписывается" в образ членимого вектора (упорядоченного множества), если, допустим, принять, что максимальная степень проявления признака (или наилучшая оценка) соотносится с векторной стрелкой (с максимальным элементом множества). Конечно, "процесс" – шкала оценки степени признака – кажется нам довольно необычным "процессом", непохожим на более привычные нам "процессы" – процессы движения, роста, увядания, старения и под., ведь мы привыкли усматривать "процесс" лишь в сущностях, соотносительных с линией реального времени, процесс же – шкала оценки – мыслится только, так сказать, виртуально – путем сравнения данной степени проявления признака с другими возможными его степенями. Но тем не менее многие аспектуально значимые лексемы легко преодолевают это различие: они заставляют осмыслить как "процесс" и реальную, и виртуальную ситуацию $P(x)$.

Рассмотрим, например, с этой точки зрения наречие *совсем*³. *Совсем*, грубо говоря, означает, что "процесс" достиг своего предела (то есть *совсем* соотносится, так сказать, со стрелкой вектора, с максимальным элементом упорядоченного множества), причем это может быть совершенно различный по типу "процесс" – процесс движения (ср. *совсем добрался, совсем доехал*), членимая на этапы деятельность (*совсем выучил*

³ Подробный анализ этого слова дан в книге [Путеводитель 1993], см. также [Григорьева 1994].

(стихотворение), совсем собрал (мотор)), изменение признака (совсем высох. совсем постарел), шкала степени проявления признака (совсем сухой. совсем старый)⁴ и, видимо, др. типы "процесса".

З а м е ч а н и е. Соотнесение примеров, не содержащих глагола (ср. *совсем сухой*), с символами $V(x)$ и $P(x)$ может казаться неочевидным, а потому сделаем следующие пояснения. Как $V(x)$ в подобных случаях мы рассматриваем предикат, определяемый адverbially (ср. предикат 'быть сухим' в предложении *Лист совсем сухой*), т.е. предикат, описывающий некоторый градуируемый признак, ситуацией же $P(x)$ оказывается шкала степеней проявления этого признака. Т.о., в качестве $V(x)$ мы всегда рассматриваем предикат, синтаксическим определителем которого служит адverbial типа *быстро, совсем*, – хотя, вообще говоря, данный предикат может входить и в более сложную синтаксическую конструкцию, ср. пример (6) с предложением *Мое внимание привлекла быстро идущая к дому девушка*, а также пример из [Путеводитель 1993] *Степа, совсем уже сползший на пол, ослабевшей рукой царапал придорожку* (М. Булгаков).

Наряду с адverbially степени (*совсем*) рассмотрим также типичное наречие оценки *хорошо*. *Хорошо высох* – это значит, в частности, что процесс высыхания практически достиг предела, *хорошо помнил/знал* – это 'помнил/знал значительное число элементов объекта' (ср. *совсем выучил (стихотворение)*, *совсем собрал (вещи)* – и в случае *хорошо*, и в случае *совсем* речь идет о количестве объекта, охваченного действием). *хорошо написал сочинение* – это написал так, что сочинение может быть соотнесено с элементом шкалы оценок, близким к максимуму, и т.п.

На первый взгляд, трактовка ситуации 'знать (в той или иной степени)' или 'написать сочинение (с той или иной степенью блеска)' как элемента (точки, пункта) "процесса" может показаться несколько надуманной – несмотря на индифферентность многих аспектуально значимых адverbially к различию между реальными и умозрительными (виртуальными) "процессами". Ср., однако, эквивалент выражения *насколько я знаю* в английском языке – *As far as I know*, где для обозначения степени осведомленности субъекта используется наречие *far* (= 'далеко'). Это наречие обозначает в данном случае параметр "степени продвинутости в знаниях", т.е. соотносит степень осведомленности с идеей продвижения в пространстве, с идеей бесспорного процесса. Ту же метафору использует и русский язык, когда мы говорим *Иван хорошо продвинут в данной области*, *Петр здорово продвинулся в изучении данной темы* и т.п. Подобные "языковые свидетельства" (выражение А. Вежбицкой), на наш взгляд, говорят о семантической близости (= существовании инварианта) у ситуаций продвижения и у степени проявления признака, об отсутствии пропасти между реальными и виртуальными "процессами".

Выше мы лишь обозначили некоторые типы "процесса", ни в коей мере не претендуя на строгость и полноту их описания. Очевидно, каждый из этих типов можно рассматривать как инвариант более конкретных реализаций идеи "процесса" (ср., например, сопоставление семантического шаблона "разрушения внутренних связей" (*проколоть палец, прорубить стену, прорезать платье*) и "движения сквозь препятствие" (*пройти стену насквозь, пройти барьер, таможню, сквозь строй*) в [Кронгауз 1994] – каждый из этих шаблонов включает в себя идею "процесса движения"); можно также искать инвариант классов ситуаций типа *совсем высох* и *совсем сухой* (ср. [Путеводитель 1993: 148]), или *хорошо высох* и *хорошо знал*, и т.д. Здесь нам важно лишь подчеркнуть, многоуровневость идеи "процесса" (см. [Кронгауз 1994]), рассмотрение же ее всевозможных реализаций – предмет для отдельного исследования⁵.

⁴ Если в первых трех случаях $V(x) = P(x)$, то в последнем случае $V(x) \subset P(x)$, т.е. $V(x)$ "встраивается" в $P(x)$, рассматривается как выделенный элемент "процесса" $P(x)$.

⁵ Подчеркнем особую важность такого исследования для семантического анализа слов-интенсификаторов. Очевидно, подобное исследование должно быть основой для рассмотрения семантического поведения таких слов, той базой, которая с необходимостью учитывается при анализе любого слова-интенсификатора и которая позволила бы исследователю сосредоточиться в первую очередь на специфике конкретного слова-

Итак, выше мы с той или иной степенью подробности рассматривали различные глагольные контексты – "конструкции", приставки, наречия типа *быстро*, *круто*, *совсем*. Все это контексты, которые могут, во-первых, характеризовать ситуацию $V(x)$, а во-вторых, могут иметь отношение не к $V(x)$, а к некой "внешней" по отношению к $V(x)$ ситуации $P(x)$. При этом нас особенно интересовал второй случай – когда $P(x)$ и $V(x)$ не совпадают, когда $V(x)$ определенным образом "встраивается" в $P(x)$, а $P(x)$ оказывается своего рода внешним контекстом реализации ситуации $V(x)$.

Обратимся теперь к большому классу контекстов, которые, в отличие от рассматривавшихся контекстов, уже не являются обязательно глагольными (точнее, предикатными) контекстами⁶. Например, частным случаем таких контекстов среди адвербиалов являются частицы – частицы могут характеризовать как предикаты, так и термы. Легко заметить, что в случае частиц мы всегда имеем дело с несовпадением ситуации $V(x)$, описываемой глаголом, и ситуации $P(x)$, с которой связана частица (как бы ни называть при этом $P(x)$ – "сценарием", "условиями на употребление частицы", "внешним контекстом" высказывания, и т.д.).

В этом случае "внешняя" ситуация $P(x)$, к которой апеллирует частица, не обязательно является "процессом", но поскольку понятие "процесса" выше уделялось столько внимания, бегом рассмотрим лишь две частицы – *прямо* и *сразу*: обе эти частицы подразумевают как раз соотносительность того или иного элемента ситуации $V(x)$ с некоторым виртуальным "процессом".

Посмотрим, например, на толкование слова *прямо* в книге [Путеводитель 1993]. Значение этого слова там описано следующим образом: *прямо* указывает, что введение элемента x в ситуацию P исключает другие ("промежуточные") элементы, которые нормально и/или с точки зрения говорящего должны были принадлежать ситуации P (с. 160). Например, в предложении

- (10) *Теперь полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию, и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору* (М. Булгаков).

прямо указывает, что при реализации ситуации 'весть полетит на Капрею' будут проигнорированы, вообще говоря, нормально характерные для реализации данной ситуации "промежуточные" пункты траектории. А, скажем, в предложении

- (11) *На Маргарите прямо на голое тело был накинута черная плащ* (М. Булгаков),

прямо свидетельствует о редукции некоторых этапов, нормально предполагающихся при реализации ситуации 'надеть верхнюю одежду'.

Итак, мы видели, что любое употребление *прямо* индуцирует существование этапов (пунктов, шагов и т.п.), нормально ведущих к реализации описываемой предложением ситуации, т.е. заставляет осмыслить саму ситуацию (или некоторый ее элемент) как конечный пункт некоторого "процесса" (= как соотносящуюся со "стрелкой" вектора, с максимальным элементом упорядоченного множества). Отсюда неестественность в контексте *прямо* наименований "слабых" свойств, т.е. таких, которые трудно соотносить с максимальным элементом, ср. ⁷*прямо несколько заинтересован* [Путеводитель 1993: 163]. Если же сочетание, вообще говоря, означает слабую сте-

интенсификатора (скажем, на различиях в поведении *совсем* и *абсолютно*, *практически* и *почти*, и т.д.). ср. [Григорьева 1994], а также [Путеводитель 1993] в тех его частях, где описываются слова, связанные с идеей "неполноты"/"полноты". Конкретное слово-интенсификатор выбирает из всего спектра возможных воплощений "процесса" свойственный лишь ему набор, ср. наречие *постепенно*, которое, в отличие от *совсем*, может определять лишь реальный, а не виртуальный процесс (**постепенно сухой*). но к реальным процессам оно избирательно в меньшей степени, чем *совсем*: так, сочетание *совсем купил* если и возможно, то не может обозначать тот же "процесс", что выражен сочетанием *постепенно купил все марки этой серии*, не может значить окончание "процесса" покупки марок по частям, а может обозначать лишь окончательность покупки как таковой, ср. [Путеводитель 1993: 149].

⁶ Ср. противопоставление лексических единиц с фиксированной и плавающей сферой действия в [Филипенко 1997].

пень проявления признака (ср. *чуть дышит*), то в контексте *прямо* оно обязательно описывает некоторое максимальное проявление – правда, уже иного признака: ср. выражение *прямо чуть дышит*, которое значит ≈ ‘максимально далек от здорового состояния’.

В случае невозможности осмысления ситуации, фрагмент которой характеризуется *прямо*, как конечного пункта “процесса”, употребление этого слова невозможно. Так, *прямо* может характеризовать не только ситуацию, описываемую вершинным предикатом V(x) фразы, но и ситуацию номинации, не выраженную во фразе с помощью соответствующего предиката (ср. 3-ю модификацию значения *прямо* в [Путеводитель 1993: 163–164]): в предложении

(12) *Передо мной сидела прямо Екатерина II*

прямо заставляет осмыслить имя собственное *Екатерина II* как в некотором отношении наиболее удачное наименование для встреченного субъекта, как наименование, значение которого включает **максимальное** количество характеристик субъекта. В случае невозможности такого осмысления наименования, употребление *прямо* недопустимо. Так, в рассматриваемых контекстах нельзя употребить так называемое невоплощенное имя собственное (= имя, интенционал которого сводится к свойству ‘иметь данное имя’ [Кронгауз 1988]), ср. предложение

(13) *Передо мной сидела прямо Маша*

– для допустимости этого предложения имя *Маша* должно иметь интенционал ‘быть данным объектом’, ‘быть данной Машей’ (т.е. являться воплощенным именем собственным), иначе исчезнет основа для употребления *прямо* – принципиальная возможность отражения в наименовании разного количества черт субъекта.

Таким образом, *прямо* характеризует уже не интенсивность “процесса”, а, так сказать, стратегию достижения конечного пункта “процесса” – сообщает, что “промежуточные” пункты “процесса” не имели места⁷.

Аналогичным образом ведет себя и адвербиал *сразу*, ср.:

(14a) *После школы он сразу поступил в институт* (хотя, вообще говоря, сначала мог оказаться в армии, пойти работать и т.п.) и

(14b) *После школы он поступил сразу в институт* (а в принципе мог бы поступить в техникум, педучилище и т.п., – заметим, что в это множество не может входить, например, аспирантура, так как она занимает более высокую (более “конечную”) в сравнении с институтом позицию в иерархии учебных заведений).

Еще более выпукло связь *сразу* с “процессом” видна при сопоставлении данного слова с наречием *постепенно*, ср.:

(15) *Он сразу/постепенно перебрался в столицу,*

где оба наречия заставляют осмыслить ситуацию ‘он перебрался в столицу’ как конечный этап некоторого “процесса”.

Интересно сопоставить также следующие два примера:

(16) *Я никогда не выигрывал таких денег сразу и*

(17) *Я никогда не выигрывал такой шубы сразу.*

Если в предложении (16) *сразу* может иметь два осмысления (“тут же после начала игры” и “одновременно, зараз”), то в предложении (17) возможно скорее лишь первое осмысление данного адвербиала – ведь шуба, в отличие от денежной суммы, нормально не осмысляется как объект, который можно выигрывать по этапам, постепенно приближаясь к максимуму – обладанию всем объектом; иными словами, в примере (17) шуба вряд ли может быть осмыслена как максимальный элемент упорядоченного множества элементов, адвербиал же *сразу* обязательно соотносится с идеей такого множества.

⁷ Ср. также *напрямую, напрямик, без обиняков* и т.п.

Именно рассматриваемая черта семантики *сразу*, на наш взгляд, объясняет отмечаемую исследователями несочетаемость обстоятельств точечности типа *немедленно, сейчас же, сразу же, тотчас же, тут же* с перформативами: так, высказывания типа *Я сразу же (тут же, немедленно) клянусь* имеют только дескриптивное осмысление. По всей видимости, перформатив не сочетается с адverbialsми типа *немедленно* по следующей причине: семантика перформатива – совпадение речи и действия – исключает принципиальную возможность выбрать, будет ли реализовано соответствующее действие постепенно, или сразу (речепроизводство жестко задает одновременное выполнение действия); тем самым перформатив не может быть осмыслен как в некотором отношении максимальный элемент упорядоченного множества. (По-другому, с "глаголоцентричных" позиций данный факт трактуется Ю.Д. Апресяном (см. [Апресян 1986; Апресян 1995: 216]): невозможность перформативного высказывания *Я сразу же клянусь* объясняется тем, что перформатив имеет признак 'процессности', 'протяженности' (т.е., скажем, ситуация 'клянусь' обладает процессностью, протяженностью). На наш взгляд, дело в данном случае не в семантических свойствах самой ситуации, обозначаемой перформативным глаголом, а в невозможности осмыслить перформатив как крайний элемент некоторого "процесса".)

З а м е ч а н и е. Некоторое сходство с адverbialsми *прямо, сразу* обнаруживает частица *только*: если *прямо* и *сразу* указывают на реализацию лишь одного пункта из совокупности пунктов, составляющих "процесс" (а именно, конечного), то *только* указывает на участие в ситуации лишь одного элемента из некоторого множества элементов (из так называемого ассоциированного множества, см. [Богуславский 1985], а также [Филипенко 1992]), ср.

(18) *Из присутствующих о Витгенштейне слышал только Максим,*
где *только* характеризует Максима как единственного из множества присутствующих людей субъекта, слышавшего о Витгенштейне.

Но если элементы ассоциированного множества в случае *только* никак не ранжированы, то *прямо* и *сразу* подразумевают упорядоченность элементов такого множества, ср.:

(19) *Мальчик съел только (прямо/сразу) персик.*

Именно из-за отсутствия обязательной упорядоченности элементов ассоциированного множества в случае *только* данная частица не может быть сама по себе соотнесена с идеей "процесса". (Заметим, что частица *даже* в этом отношении ведет себя по типу адverbialsмов *прямо* и *сразу*, так как предполагает распределение элементов ассоциированного множества по степени их вероятности, см. [Крейдлин 1975], [Богуславский 1985].)

Мы обратились к частице *только* для того, чтобы иметь еще один аргумент для трактовки идеи "процесса" как компонента толкования слов *сразу* и *прямо*: подобно тому, как ассоциированное множество является актантом частицы *только* (см. [Богуславский 1985]), совокупность элементов "процесса" должна рассматриваться как актант слов *прямо* и *сразу*.

Таким образом, анализ адverbialsмов, описывающих характеристики "процесса", приводит к необходимости рассматривать их как частный случай аспектуально релевантных контекстов, как языковые единицы, задающие аспектуальный тип (= "семантический шаблон") определяемой ими ситуации $P(x)$. При этом ситуация $V(x)$, описываемая вершинным предикатом фразы с адverbialsмом, по своему аспектуальному типу может вовсе не совпадать с аспектуальной характеристикой ситуации $P(x)$, задаваемой адverbialsмом, а рассматриваться как часть ситуации $P(x)$.

Возможность несовпадения семантической сферы действия наречий и других (глагольных) контекстов, характеризующих "процесс", с ситуацией $V(x)$, описываемой глаголом, легко объясняется следующим образом. Известно, что аспектуальные противопоставления относятся в первую очередь не столько к глаголам, сколько к ситуациям (например, семантическая типология предикатов, строящаяся в [Булыгина 1982], приводит автора к классификации "положения вещей" (с. 84–85), в работе [Падучева 1994] таксономическая категория глаголов "мыслится не только как класс глаголов, но и как класс ситуаций; семантические противопоставления лучше относить к ситуациям" (с. 11), В.С. Храковский пишет о том, что "естественным объектом аспектологического анализа является не просто действие или предикат, а ситуация, выражаемая

в предложении" [Храковский 1989: 12], защите этой идеи посвящена статья [Мелиг 1985: 238, 243, 246]). Ситуация же может мыслиться на разных уровнях: так, ситуация, описываемая глаголом, обычно включена в более общую ситуацию, может мыслиться как элемент этой более широкой ситуации, и т.д. При этом общая ситуация неизбежно осмысляется как членимая на (разнородные) элементы, а в случае упорядоченности подобных элементов осмыляется как "процесс" (в широком смысле).

Все сказанное позволяет говорить о возможном отражении во фразе не одной, а нескольких ситуаций, мыслящихся на разных уровнях, ср. модификацию примера (3):

(3) *Дилижанс уехал прямо через деревню,*

где ситуация звучания 'ухать' включена в процесс движения, задаваемый в данном случае контекстом *дилижанс V через деревню*, а ситуация движения дилижанса через деревню оказывается благодаря частице *прямо* редуцированным вариантом реализации процесса 'дилижанс движется к своей цели', оказывается ситуацией с редуцированной длиной траектории. Естественная иерархия подобных ситуаций задает иерархию аспектуальных характеристик во фразе.

Понятие иерархии аспектуальных характеристик, на наш взгляд, позволяет равноправно представить вклад в семантическую структуру высказывания как глагола, так и аспектуально значимого контекста, а также позволяет рассматривать аспектуально значимый адвербиал как единую лексему, различные части сферы действия которой может составлять описываемая глаголом ситуация.

З а м е ч а н и е. Об иерархии аспектуальных характеристик, видимо, имеет смысл говорить и по отношению к некоторым отдельным глагольным лексемам. Например, Ю.С. Маслов выделяет глаголы прерывисто-смягчительного способа действия, типа *покалывать*, *покашливать*, *почитывать* [Маслов 1978: 19], в которых ослабленная интенсивность сочетается с многократностью. На наш взгляд, характеристики "ослабления интенсивности" и "многократность" относятся в подобных случаях к ситуациям разных уровней: характеристику "интенсивность признака меньше нормы" имеет каждая из единичных ситуаций 'копнуть', 'кашлянуть', 'почитать (что-л. с некоторой степенью внутренней собранности)' и под., характеристику же "многократность" получает вся ситуация, описываемая глаголами данного типа.

Интересно, что предлагаемый нами анализ глаголов типа *покалывать* помогает лучше осмыслить используемое Ю.С. Масловым понятие "количественная аспектуальность" – понятие, имеющее прямое отношение к проблематике данной статьи.

Термин "количественная аспектуальность" критиковался в работе [Храковский 1989] за то, что за ним будто бы не стоит какое-либо родовое обобщающее содержательное понятие, и он служит всего лишь меткой для объединения трех самостоятельных семантических признаков – кратности, длительности и интенсивности. Главный аргумент В.С. Храковского в защите самостоятельности, "разнокачественности и логической неоднородности" данных признаков состоит в том, что данные признаки могут сочетаться друг с другом в одной лексеме, см. глаголы типа *покашливать* [Храковский 1989: 10]. Однако, как мы пытались показать выше, данные признаки в подобных лексемах характеризуют не одну и ту же, а разные ситуации. Кроме того, понятие "количественная аспектуальность" представляется В.С. Храковскому мало содержательным, поскольку Ю.С. Масловым "не эксплицирован тот родовой семантический признак, который должен быть присущ всем значениям, включаемым в данное поле. Можно думать, что такого признака нет, но этот тезис нуждается в проверке" (с. 11).

На наш взгляд, предлагаемое в данной статье понятие абстрактной идеи "процесса" позволяет представить все три значения – кратность, длительность и интенсивность – как предполагающие упорядоченное множество элементов (и тем самым продемонстрировать тот родовой семантический признак для этих значений, который составляет сущность понятия "количественная аспектуальность"). Для кратности – элементами такого множества являются единичные ситуации, порядок которых определен течением времени, для длительности – это моменты ситуации, также упорядоченные на оси времени, для интенсивности – это соотношенность данной степени интенсивности признака со шкалой, на которой упорядочены степени проявления данного признака. Тем самым мы можем говорить о близости абстрактной идеи "процесса" и понятия "количественная аспектуальность" (точнее, "количественная аспектуальность" совпадает с абстрактной идеей "процесса" по отношению к значениям кратности, длительности и интенсивности).

В заключение хотелось бы отметить следующее. Несмотря на то, что признание решающей роли контекста (не только глагольного, но и контекста всей фразы) при определении аспектуального типа обозначенной во фразе ситуации является общим

местом работ по аспектологии, до сих пор контекст обычно рассматривается "сквозь призму" глагола, в неразрывной связи с глаголом.

Так, "глаголоцентричная" идеология приводит к тому, что аспектуальную информацию обычно стремятся отразить в первую очередь в глагольной лексеме – у глагола как основы для интерпретации фразы в целом усматривается по крайней мере столько значений, со сколькими типами аспектуально значимых контекстов он совместим. Однако подобный подход, на наш взгляд, является односторонним, поскольку рассматривает аспектуально релевантный контекст не сам по себе, а в первую очередь по отношению его к глаголу (контекст рассматривается преимущественно как текст на аспектуальный тип глагола); односторонность этого подхода наиболее очевидна для примеров типа (1')-(4).

Аспектологический анализ фразы, на наш взгляд, должен складываться из равноправного анализа семантики как глагола, так и аспектуально-значимого контекста – "конструкций", глагольных приставок, отдельных "аспектуальных" слов и выражений (ср. *мимо, сквозь, через, пока, один за другим, все еще* и проч.). Пример анализа некоторых аспектуально значимых контекстов – анализа, в известной степени "свободного" от "призмы" глагола, – мы и старались, вслед за А. Голдбергом и М.А. Кронгаузом, дать в данной работе. Проведенный анализ показал, что в случае несовпадения аспектуального типа ситуаций, описываемых глаголом и контекстом, имеет смысл говорить об иерархии аспектуальных характеристик в высказывании*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян Ю.Д. 1980 – Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл ⇔ Текст". Wien, 1980.
Апресян Ю.Д. 1986 – Перформативы в грамматике и словаре // ИАН СЛЯ. 1986. № 3.
Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
Богуславский И.М. 1985 – Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
Булыгина Т.В. 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. Гл. I. М., 1982.
Григорьева С.А. 1994 – Наречие *совсем*: полисемия или логические компоненты в толковании? 1994. (рукопись)
Крейдли Г.Е. 1975 – Лексема ДАЖЕ // Семиотика и информатика. Вып. 6, 1975.
Кронгауз М.А. 1988 – Об одном типе употребления имен собственных // НТИ, сер. 2, 1988, № 8.
Кронгауз М.А. 1994 – Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика, 1994, вып. 34.
Кустова Г.И. 1994 – Глаголы изменения: процесс и наблюдатель // НТИ, сер. 2, 1994, № 6.
Маслов Ю.С. 1978 – К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
Маслов Ю.С. 1990 – Глагол // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Мелиг Х.Р. 1985 – Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985.
Падучева Е.В. 1989 – Вид и лексическое значение глагола / НТИ, сер. 2, 1989, № 12.
Падучева Е.В. 1994 – Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика, 1994, вып. 34.
Падучева Е.В. 1996 – Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
Плунгян В.А. 1995 – Вид и типология глагольных систем // Теория аспектуальности и преподавание русского языка. М., 1995.
Путеводитель 1993 – Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
Рахилина Е.В. 1997 – Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика (в печати).

* Автор глубоко признателен Е.В. Падучевой, В.А. Плунгяну и Е.В. Рахилиной за советы и замечания, сделанные к рукописи статьи.

- Розина Р.И.* 1996 – О некоторых производных значениях глаголов перемещения в русском языке // Московский лингвистический журнал. Том. 2. М., 1996.
- Филипенко М.В.* 1992 – Об однородных и неоднородных ассоциированных множествах // НТИ, сер. 2, 1992. № 5.
- Филипенко М.В.* 1994 – Логико-семантическое представление наречий образа действия. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Филипенко М.В.* 1997 – О лексических единицах с плавающей и фиксированной сферой действия // Семиотика и информатика (в печати).
- Храковский В.С.* 1989 – Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Dik S.C.* 1974 – The semantic representation of manner adverbials // Kraak A. (ed.) *Linguistics in the Netherlands 1972–1973*. № 1, Amsterdam, 1974.
- Goldberg A.* 1995 – *Construction grammar*. Chicago, 1995.
- Langacker R.W.* 1987 – *Foundations of cognitive grammar*. Standford, SUP, 1987.
- Stern G.* 1931 – *Meaning and change of meaning*. Göteborg, 1931.
- Vendler Z.* 1967 – *Linguistics in philosophy*. Ithaca, N.Y., 1967.
- Wierzbicka A.* 1980 – *Lingua Mentalis*. New York, 1980.